Она печально опустила глаза и продолжила: — Я заметила, что, когда мы занимаемся любовью по ночам, я всегда получаю наибольшее удовольствие, а ты остаешься неудовлетворенным. Я понимаю, что для тебя это не имеет значения, но для меня это больно. Это задевает мою женскую самооценку, и я долго думала, как это скрыть, и пришла к двум вариантам.

— Что это? — спросил Шун. Хотя то, что она сказала, было правдой, он никогда не задумывался об этом. Он не был каким-то сексуальным фанатиком, готовым на все ради сексуального удовлетворения.

— Я хочу, чтобы ты полюбил меня или взял другую женщину. Даже больше женщин, — сказала Хинами, заставив Шуна потрясенно посмотреть на нее.

— Первый вариант мне понятен, но что со вторым? — в недоумении спросил Шун. Он вовсе не злился, наоборот, был заинтригован.

Она и раньше предлагала такой вариант из-за Риа, но это совсем другое дело.

— Я знаю, что ты меня очень любишь, я тоже тебя люблю. В последнее время я вижу, как на тебя смотрят окружающие девушки, и хотя я чувствую гордость, но, кажется, понимаю, что если я буду делить тебя с ними, это будет означать, что они тоже будут испытывать к тебе ту же гордость, что и я, а этого я не хочу. Риа - исключение. Я признаю ее, но не других, — она сделала паузу, затем посмотрела Шуну прямо в глаза и продолжила: — Я хочу, чтобы ты принял Рию. Я знаю, что ты считаешь ее молодой, но сейчас это не имеет значения. Я знаю, что ты ответишь тем же: "Она слишком молода", так что я не буду настаивать. Я хочу, чтобы ты сделал меня достаточно сильной, чтобы я не отставала от тебя.

Шун посмотрел на Хинами с очаровательной улыбкой и сказал: — Странная у тебя просьба. Ты ведь знаешь, что могла бы просто попросить, и я бы это сделал?

— Да, — кивнула Хинами и сказала, — но мы оба знаем, что я не могу попросить ничего, что было бы больше того, что у нас уже есть. Поэтому, поразмыслив, я пришла к такому варианту.

— Хм. Это правда, но знаешь, Нами, чтобы сделать тебя такой же сильной, как я, ты должна в совершенстве овладеть техникой дыхания, которую я тебе дал. Постоянная полная концентрация. Это состояние, когда даже во время сна, еды, боя и разговора ты продолжаешь вращать энергию в себе и вокруг себя, — сказал Шун и сделал паузу.

— Я знаю, что ты стараешься изо всех сил, но я бы посоветовал тебе сначала достичь пика. Если я насильно использую свою чакру и открою все твои внутренние врата, это повредит твоему духовному морю, а мы бы этого не хотели, верно? — объяснилл Шун.

Хинами покачала головой.

— Хорошо. Что касается гарема, то это может подождать. Честно говоря, я уже давно вынашиваю эту мысль. Я ведь не какая-нибудь глупый герой гарема? — спросила Шун.

— Что такое главный герой гарема? — Хинами в замешательстве склонила голову набок.

— Это ты узнаешь позже. А сейчас я приму во внимание то, что ты сказала о женщинах. Что касается Рии, то обещаю, что как только ей исполнится восемнадцать, и она все еще будет испытывать ко мне чувства, я искренне отвечу ей взаимностью. А до тех пор я могу терпеть. До ее восемнадцатилетия еще три года, не хочешь ли ты приложить больше усилий, чтобы и без Рии не отстать? — объяснил Шун и закончил дразнящим тоном.

— Да. Я приложу усилия, — ответила Хинами, не обращая внимания на поддразнивание.

После этого, помимо заботы о маленьких Наги и Нами, она полностью посвятила себя технике дыхания. Как и в случае с производной, ее техника дыхания, основанная на стиле взрыва, направлена на то, чтобы сделать ее сильной как физически, так и духовно.

Овладев ею в совершенстве, Шун предполагал, что в дальнейшем сможет развить свой Бьякуган до Тенсейгана, еще больше укрепить свое духовное море и достичь производного тела мудреца, основанного на взрывах.

Впрочем, это были лишь предположения, все зависело от того, как она будет действовать.

За это время Шун и Кагуя встречались несколько раз. Шун заметил, что воздух вокруг нее полностью изменился. Теперь она казалась молодой девушкой, которая только начала познавать жизнь, а не опытной владычицей, как раньше.

На вопрос Шуна она ответила: "Что вы имеете в виду? Мне всего лишь около шестидесяти. Разве в этих мирах, в этих книгах, это не молодо? Я и в сто лет сойду за юную мисс".

Так Кагуя превратилась в шестидесятилетнюю барышню. Впрочем, Шуна это не беспокоило, поскольку он верил, что даже в начале канона он все еще будет молодым человеком. И пусть будут прокляты века.

По мере того как недели сменялись месяцами, дети Шуна проявляли свои особенности: они редко плакали по глупым причинам, разве что когда были голодны или нуждались во внимании.

Шун также заметил, что они не придирались к тому, кто их носит, хотя младшая сестра Нами предпочитала, чтобы ее несли рядом со старшим братом Наги.

Когда служанки переносили их с Хинами, она всегда протестовала, чтобы ее тоже несли. Только когда их несли Шун или Хинами, они оставались по отдельности.

В шесть месяцев от роду они уже произнесли свои первые слова. Для Изанаги это было "хм", а для Изанами - "дада ".

Шуну приходилось сдерживать себя, чтобы не пойти на штурм горы Индры и не засунуть голову ему в задницу за то влияние, которое он оказал на маленького Наги.

Нами предпочитала, чтобы ее носил Шун, в то время как Наги выглядел так, словно ему было все равно, кто его несет. Хинами падала в обморок от его "крутого" поведения.

Шун кричал: "Он же ребенок, черт возьми", но при этом сохранял спокойную улыбку.

Хотя Изанаги и был своеобразным, но рядом с Хинами, Шуном и Изанами он оставался ребенком.

В кругу других детей, хотя он и был самым младшим, его поведение заставляло его казаться отстраненным и превосходящим своих двоюродных братьев.

По словам Шуна, это вызывало беспокойство, но Хинами сказала, что он всего лишь "Верховный мастер".

«Последствия романов о самосовершенствовании, ха,» — подумал Шун. Однако позже он

отказался от этой идеи. По мере того как он будет расти, все встанет на свои места.

«Ха, если бы он родился в эпоху шиноби, из него получился бы хороший Учиха,» — сказал себе Шун.

http://tl.rulate.ru/book/78825/2926029